

ТЕАТР.

«ПУТЬ-ДОРОГА».

(Рабочий театр Пролеткульта).

Эту новую постановку театра нужно признать приемлемой, хотя и с громадными оговорками. Теперь, когда спектакль переделан совершенно до основания, в пьесе есть что-то волнующее, захватывающее, возбуждающее своей бодростью и уверенностью.

Но только моментами. Только в те минуты и в тех сценах, когда показывают «грядущую» смену, «молодую гвардию», новое поколение — крепкое, здоровое, жизненное, идущее твердой, правильной дорогой. Но дорога эта в пьесе невероятно засорена всякими глупостями и уклонами. Все для смеха. Все в этом «рзвю», как бывает в кинематографических «вечерах непрерывного смеха». Все эти кривляния и кувиркания — на потеху зрителя. Все это более чем дешевое «остроумие», вся эта ничем не оправданная беготня, беспечный шум, фальшивый оркестр, балаганские трюки, все это надерганное из разных театров и разных пьес — только для пубоискачества, в угоду неприхотливому зрителю, «под занавес». Все это — путь-дорога по линии наименьшего сопротивления.

Показывают неслыханного идиота-миллионера — смешно. Показывают, как беспризорные грабят подвыпившего гражданина, — очень смешно. Потому, что с него при грабеже снимают штаны, и он должен идти дальше в одном нижнем белье. Говорят — вместо смычки — смычек. Тоже смешно, потому что это — «игра слов». Показывают мертвеца, до рвоты, пьяных. И это вызывает смех, а не отвращение или негодование. Не падают ничего и никого, даже мертвых. Флаги траурные вешают погибшим, — и то смешно, потому, что это делает «смешной» человек. Вспоминают о товарищах, ставших жертвами пожара на заводе, — и тут смех, потому, что из-за занавеса просовывается «смешная» рожа женщины с громадным, до ушей, ртом и длинным носом. О, эта женщина с длинным носом! Сколько она зла делает всей пьесе своими «кривляньями для

кривляний», своим внесением ярмарочного балагана в пьесу, претендующую на значительное содержание.

Все вытравлено из пьесы этим дурацким смехом, все испортили и автор и режиссер этой непонятной погоней за смехом — во что бы то ни стало.

А в пьесе чувствуется теплота, искренность, хороший, — пусть даже при слабых силах, — замысел. В режиссере виден человек, не лишенный изобретательности, выдумки, знания, даже фантазии. В молодежи чувствуются исполнители, из которых вырабатываются актеры. Хотя бы та же «женщина с длинным носом», у которой определенно есть цирковое дарование, — здесь, правда, совершенно неуместное. Прогресс в исполнении труппы Пролеткульта чувствуется ясно. И может быть здесь, именно, — среди более талантливых людей, — будет найден тип рабочего актера.

Но нельзя относиться так легко к серьезным вопросам. Нельзя так засорять пьес, имеющих исключительно массового зрителя. Нельзя так подлаживаться «под публику» там, где нужно ее подтянуть, поднять до себя, до сущности спектакля. А тут эта сущность совсем заслонена. И не только смехом. В пьесе есть уклон и в хореографию. Есть, в этом отношении, невозможительные слова и моменты. Есть совершенно ненужное и всегда ослепное издевательство над инженером завода — какой-то карикатурной злодейской фигурой. Есть еще «управдел» — непроходимый негодай, пьяница и взяточник. Есть вообще краски грубые, преувеличения, не знающие никакой меры. Есть и фальшивые ноты дешевой мелодрамы.

Переделывать сейчас пьесу опыты запоздалы, конечно, невозможно. Но сгладить все, умерить, выдвинуть больше на первый план основу спектакля, убрать дешевые «смехотворные» трюки — непременно нужно. Нельзя, чтобы главное было заслонено второстепенным, да еще так плохо сделанным.

А. Ценовский.